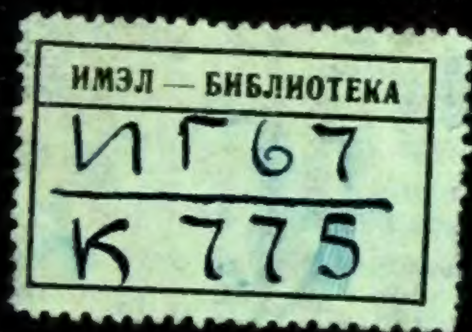
Косковский

Как воспитать

ДЕМОКР,

Б. Косковскій.

Какъ воспитать демократію.

Переводъ съ польскаго Б. Л-скаго.

Книгоиздательство
О. С. Іодко.
Екатерининск. кан., 104.
Телефонъ № 6058.
С.-Петербургъ.

Нужды и обязанности демократіи.

Школа, какъ орудіе демократическаго воспитанія.

Жизнь, какъ школа гражданина.

Съ чего начать? Долгъ и должное.

Предисловіе.

Нѣкоторая часть нашего общества полагаетъ, что демократія (въ полномъ и правильномъ значеніи слова) тамъ, гдѣ она еще не образовалась и не сложилась исторически, не нуждается въ какой-либо особой предварительной подготовкѣ къ сознательному участію въ общественной и въ частности—политической жизни. Авторъ настоящей брошюры, Б. Косковскій, сопоставляя для примѣра Сербію и Швейцарію, государства одинаково демократичныя, но тѣмъ не менѣе—съ весьма различнымъ характеромъ правленія, доказываетъ, что демократію, чтобы она стала дѣйствительно рычагомъ прогресса и свободы, необходимо воспитать, и что настоящія гражданскія добродѣтели пріобрѣтаются лишь въ школѣ дѣйствительно свободной общественной жизни. Не смущаясь неблагодарной ролью истолкователя вещей простыхъ и на первый взглядъ общеизвѣстныхъ, авторъ, какъ убѣжденный демократъ, усиленно обращаетъ вниманіе общества на элементарныя, но насущныя средства политическаго воспитанія сознательной демократіи. Хотя настоящая брошюра составлена польскимъ писателемъ и имѣетъ въ виду преимущественно польское общество, но вопросъ, котораго она касается, изложенный живо, доступно и объективно, настолько животрепещущъ и общъ всѣмъ современнымъ политическимъ теченіямъ и стремленіямъ, что въ полезности ея для нынѣшняго русскаго читателя сомнѣваться не приходится.

Однако, именно русское общество, борящееся въ данный моментъ противъ „законности" и „порядка", который нынѣ господствуетъ у насъ, не можетъ вполнѣ согласиться съ миролюбивымъ настроеніемъ автора, хотя послѣдній имѣетъ въ виду только нормальныя условія политической жизни. Подчиненіе закону—фактъ необходимый въ государственной жизни, но онъ можетъ и долженъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда этотъ законъ изданъ самимъ народомъ и соотвѣтствуетъ его выстраданнымъ потребностямъ и созрѣвшему отношенію къ желанному политическому строю.

Переводчикъ.

1.

Нужды и обязанности демократiи.

Въ первой половинѣ XVIII столѣтiя А. Токвилль предсказывалъ великое поступательное движенiе демократическихъ идей: „Среди насъ происходитъ колоссальная демократическая революцiя. Одни смотрятъ на нее, какъ на нѣчто совершенно новое и, считая ее явленiемъ случайнымъ, полагаютъ, что ее можно остановить; другiе, наоборотъ, считаютъ ее непобѣдимой, потому что она представляется имъ логически-послѣдовательнымъ фактомъ, самымъ древнимъ и самымъ постояннымъ, какой только знаетъ исторiя“.

Токвилль принадлежалъ къ числу этихъ послѣднихъ. Онъ наблюдалъ развитiе событiй сквозь призму исторiи; видѣлъ, какъ демократическая революцiя быстро шагала впередъ среди развалинъ, которыя уже были дѣломъ ея рукъ, и полагалъ, что она-то и есть настоящiй финалъ политической эволюцiи. Слѣдующихъ семь десятковъ лѣтъ вполнѣ оправдали этотъ взглядъ XIX вѣкъ и половина XX-го были для всѣхъ культурныхъ странъ эпохой соцiальныхъ и политическихъ преобразованiй. Это былъ перiодъ внутреннихъ революцiй. Борьба велась вездѣ за одни и тѣ же основныя условiя политической жизни: въ чьихъ рукахъ должна находиться верховная власть? Консервативныя партiи абсолютизма и партiи консервативно-либеральныя все болѣе и болѣе теряютъ почву подъ ногами. Побѣждаютъ партiи: либерально-парламентарныя и демократическо-радикальныя.

Либеральный строй становится нормальнымъ государственнымъ строемъ Европы, на Западѣ — въ парламентарно-демократической формѣ, въ средней Европѣ — въ формѣ конституціонной. Демократическое теченіе усиливается и совершенно опредѣленно беретъ верхъ. Въ ближайшемъ будущемъ станетъ оно несомнѣнно конечнымъ побѣдителемъ во всѣхъ странахъ Европы.

Этотъ тріумфъ демократіи предвѣщаетъ человѣчеству блестящую будущность, но, какъ это особенно отмѣтилъ Джонъ Стюартъ Милль, — только *при извѣстныхъ условіяхъ*. Выражаясь такъ, великій мыслитель имѣлъ въ виду, что демократія должна избѣгать ошибокъ, которыя какъ бы лежатъ въ ея природѣ, и между прочимъ вытекаютъ *изъ равенства*. Ибо въ равенствѣ берутъ начало два направленія: одно ведетъ людей къ независимости и можетъ ихъ привести даже къ анархіи; другое — путемъ болѣе длиннымъ и скрытымъ, но вѣрнѣе, ведетъ ихъ къ положенію подданныхъ. Народы легко замѣчаютъ первое изъ этихъ направленій и противодѣйствуютъ таковому, однако, въ это время они могутъ подпасть подъ второе. Словомъ, демократія должна быть осторожной.

Какъ прійти къ тому, чтобы демократія ясно и трезво различала пути своего развитія и гарантировала человѣчеству то, что она обѣщаетъ?

Отвѣтъ одинъ: чрезъ *воспитаніе*.

Нужно точно опредѣлить, какія нынѣ лежатъ на демократіи обязанности. Демократія — это общество, всѣ члены котораго непосредственно или посредственно призваны къ участію въ управленіи и законодательствѣ. Стало быть, важнѣйшимъ общественнымъ дѣломъ является то, чтобы эти члены были соотвѣтственно подготовлены къ своимъ функціямъ, обладали дѣйствительно качествами гражданъ. Этихъ качествъ нельзя было бы требовать отъ человѣка средневѣковой эпохи и даже отъ подданнаго россійской имперіи годъ тому назадъ, ибо качества эти у нихъ не могли бы имѣть никакого примѣненія. Государства, съ абсолютивной формой правленія и опирающіяся на одинъ какой-либо классъ населенія, не требовали отъ средняго обывателя ничего больше, кромѣ податей и повиновенія.

Въ Россіи правительство, по выраженію Щедрина, даже мыслило за своихъ подданныхъ. Эти послѣдніе должны были имѣть какія-нибудь профессіональныя званія, чтобы могли жить и обогащать казну, но заботиться объ обще-

ственномъ благѣ имъ не полагалось. О вліяніи демократіи на общія судьбы не было рѣчи, а, стало-быть, и о ея воспитаніи.

Нынѣ—напротивъ. Во всей почти Европѣ — а вскорѣ это будетъ и въ Россіи—каждый гражданинъ, по мѣрѣ своихъ способностей и желанія, вліяетъ на ходъ событій. Одинъ участвуетъ въ сельскомъ или городскомъ самоуправленіи, другой избирается депутатомъ, третій призывается въ какую-нибудь общественную комиссію, союзъ и т. д. Однимъ словомъ, тамъ, гдѣ демократія есть дѣйствительный фактъ, всѣ въ какой-нибудь степени участвуютъ въ общественныхъ дѣлахъ и вліяютъ на ихъ теченіе.

Теперь становится понятнымъ, сколь важно, чтобы члены такой всеобщей демократической организаціи обладали соотвѣтственной подготовкой.

Такая подготовка не есть природный даръ человѣка. Убѣдиться въ этомъ можно хотя бы на примѣрахъ европейскихъ государствъ: Сербія—государство всецѣло демократическое, но управляется неудовлетворительно, ибо граждане еще не имѣютъ необходимой опытности, тогда какъ Швейцарія, страна такъ же маленькая и скудная естественными богатствами, до высокой степени развила всѣ стороны цивилизаціи, потому что швейцарскій народъ привыкъ къ управленію и самоуправпенію, и управляетъ собой съ умѣніемъ и опытностью. Той, слѣдсвательно, гражданской подготовленности, о которой мы выше говорили, необходимо научиться, необходимо ее пріобрѣсти. Какимъ образомъ? Посредствомъ воспитанія. Но какого воспитанія?

Существуетъ два пути воспитанія: одинъ—это школа, другой—жизнь.

Слѣдуетъ помнить, что воспитаніе человѣка происходитъ не только въ школѣ. Начинается оно, какъ справедливо говоритъ проф. Круазе, – въ семьѣ; затѣмъ идетъ дальше—въ общественной средѣ, въ которой ребенокъ живетъ; продолжается послѣ школьнаго возраста, а для многихъ и въ теченіе всей жизни, среди сложныхъ вліяній учрежденій и нравовъ, среди житейскихъ обстоятельствъ и тысячи ежедневныхъ уроковъ, которые преподаетъ жизнь.

Это внѣшкольное воспитаніе имѣетъ громадную цѣнность, многократно потвержденную. Мы часто приписываемъ слишкомъ много ошибокъ школѣ, хотя они должны

быть отнесены къ жизни, согражданамъ, нравамъ и, быть можетъ, ко всему общественному строю.

Школа — только одинъ изъ этаповъ въ системѣ законченнаго воспитанія. Какъ таковой, она значительна и вліятельна. Она представляетъ собою большую силу. Поэтому не только не слѣдуетъ сомнѣваться въ значеніи школы, но напротивъ, нужно обратить на нее самое серьезное вниманіе.

Школа даетъ двоякое образованіе: спеціальное и общее. Спеціалисты для народа, особенно нашего, гдѣ профессіональная подготовка тружениковъ разныхъ спеціальностей слабо развита, крайне нужны. Весьма важно, чтобы каждый исполнялъ свое утилитарное назначеніе какъ можно лучше, чтобы въ обществѣ находились способные столяры, портные, земледѣльцы, адвокаты, сторожа и т. п. Это увеличиваетъ богатства народа, развиваетъ культуру, повышаетъ внутреннее удовлетвореніе трудящихся. Но значеніе такого образованія одинаково велико, какъ въ государствѣ монархическомъ, такъ и въ демократіи, и было одинаково велико въ средніе вѣка, какъ и въ новые. Не такое образованіе насъ здѣсь интересуетъ. Важно для насъ *общее* образованіе.

Подъ образованіемъ мы разумѣемъ то, что создаетъ человѣка и гражданина, надѣляетъ личность интеллектуальными, нравственными и физическими качествами, необходимыми не только для профессіональной дѣятельности, но и для того, чтобы играть роль, опредѣленную государствомъ и политической формой общества, котораго членомъ является личность. Инымъ должно быть воспитаніе тамъ, гдѣ граждане—въ большей или меньшей степени—призваны къ исполненію общественныхъ функцій.

Физическія качества были нужны людямъ во всякую эпоху и во всякой формѣ правленія; здоровье, физическія силы—это блага, цѣнности которыхъ человѣчество никогда не отрицало. Иное дѣло съ качествами интеллектуальными и нравственными: отъ польскаго гражданина эпохи короля Баторія требовались совершенно иныя свѣдѣнія и иная нравственная дисциплина, чѣмъ отъ насъ, живущихъ въ началѣ XX-го столѣтія. Иныя теперь потребности, иныя требованія, иная роль, чѣмъ это выпало на долю нашихъ предковъ. Школа призвана къ тому, чтобы преподавать свѣдѣнія, соотвѣтствующія времени, и создавать соотвѣтствующіе характеры. Какія же это свѣдѣнія? Какіе харак-

теры? Это капитальные вопросы, заслуживающіе того, чтобы ихъ точно и толково разобрать.

Воспитаніе демократіи происходитъ также,—какъ было уже сказано,—въ жизни. Жизнь вліяетъ на насъ чрезъ посредство общественной среды, нравовъ и учрежденій. Если мы желаемъ дать воспитанію правильное направленіе то должны въ свою очередь оказывать воздѣйствіе на общественную среду, преобразовывать нравы, измѣнять и создавать учрежденія. Такъ, напр., чтобы произвести успѣшно сближеніе между профессіями и классами, слѣдуетъ создавать учрежденія, объединяющія людей разныхъ сферъ, облегчающія взаимное ознакомленіе, позволяющее взаимно оцѣнить качества и характеры. Чтобы пріучить крестьянъ къ дѣятельности на общественномъ поприщѣ, слѣдуетъ гарантировать имъ серьезное участіе въ самоуправленіи и поддерживать ихъ стремленіе къ самостоятельному веденію собственныхъ дѣлъ. Чтобы устранять вліяніе скверныхъ родителей на дѣтей, нужно не только сдѣлать первыхъ болѣе нравственными, но вмѣстѣ съ тѣмъ устраивать патронаты, дѣтскіе пріюты и убѣжища. Словомъ, независимо отъ школы, необходимо предпринять цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ, какъ на защиту единичной личности и облегченіе условій жизни, такъ и на воспитаніе народныхъ массъ въ демократическомъ духѣ, т. е. въ духѣ привлеченія ихъ къ участію въ общественной жизни и достойнаго исполненія ими роли кузнеца собственной судьбы. Этимъ вопросамъ мы посвятимъ наше вниманіе въ дальнѣйшемъ изложеніи. И мы увидимъ, могутъ ли они быть рѣшены и какимъ способомъ въ настоящее время.

Будемъ помнить, что здѣсь идетъ рѣчь о дѣлѣ первостепенной важности, даже, если угодно, о вопросѣ: быть или не быть. Президентъ Рузвельтъ въ книгѣ своей о „Напряженной жизни“ пишетъ: „Нѣтъ патентованной системы хорошаго управленія. Тѣмъ болѣе не существуетъ патентованной системы лѣченія общественныхъ недуговъ и уничтоженія общественнаго неравенства. Мудрое законодательство можетъ въ каждомъ изъ этихъ случаевъ помочь, но суровое, преступное или демагогическое законодательство можетъ причинить безконечно много вреда. Однако, улучшеніе въ положеніи вещей должно истекать изъ *свободнаго взаимодѣйствія тѣхъ самыхъ силъ, которыя всегда стремились къ добру и всегда къ нему стремиться будутъ*“. Кто же стремится къ этому добру? Кто возьметъ его на свою

совѣсть? Кто будетъ представлять общественные интересы? Или мы снова должны поручить ихъ ничтожной горсти общества, группѣ ученыхъ и философовъ, слишкомъ немночисленныхъ — съ одной стороны, и слишкомъ удаленныхъ отъ народныхъ массъ—съ другой, для того, чтобы нести службу обществу разумно и практично? Довѣрять-ли исключительно профессіональнымъ политикамъ и этимъ оказать содѣйствіе образованію новыхъ олигархій, хотя и иного типа, но одинаково вредныхъ? Нѣтъ. Наше время ведетъ только къ народовластію. Государственная власть должна быть въ рукахъ общества, подготовленнаго и сознательнаго, которое имѣетъ право строгаго контроля и постояннаго участія въ управленіи, хотя оно и избираетъ для отправленія политическихъ функцій спеціально тѣхъ или иныхъ гражданъ. Первой обязанностью прежнихъ носителей государственной власти было—повиновеніе; обязанностью нынѣшнихъ должны быть—разумъ и преданность общественнымъ интересамъ. Чтобы имъ обладать этимъ, необходимо чтобы и все общество было проникнуто тѣмъ же. Воспитать общество въ этомъ направленіи, развивать чувство свободолюбія, но и порядка, терпимости, но и строгой дисциплины, любовь, трудъ, творческую энергію,—вотъ въ чемъ задача современной демократіи. Такова же задача и польской демократіи, которая—хотя и въ меньшихъ размѣрахъ—также будетъ призвана къ управленію судьбой народа и обезпеченію его будущности,—если сумѣетъ въ формѣ постоянной, полной элементовъ развитія, и потому блестящей.

2.

Школа, какъ орудіе демократическаго воспитанія.

Выше было сказано, что школа должна давать, кромѣ спеціальнаго, также общее образованіе, развивающее умственныя и нравственныя качества и вырабатывающее характеры. Оставимъ это общее положеніе и разберемся въ частностяхъ.

Начнемъ съ интеллектуальнаго образованія. Интеллектъ въ наше время — говоритъ проф. Круазе — долженъ быть вполнѣ научнымъ. Иначе говоря—онъ долженъ быть проникнутъ научными духомъ и методами. Это уже совсѣмъ не то, что было прежде.

Въ прежнія времена—какъ справедливо замѣчаетъ упомянутый авторъ—великими руководящими силами являлись: власть и традиція. Худо ли это, хорошо ли,—безразлично: фактъ тотъ, что нынѣ никакая внѣшняя власть не господствуетъ надъ большинствомъ умовъ — всецѣло. Традиція представляется намъ заслуживающей уваженія лишь постольку, поскольку она совпадаетъ съ нашимъ пониманіемъ добра и истины. Оставляя въ сторонѣ Провидѣніе, мы вѣримъ только въ науку.

Не слѣдуетъ, конечно, думать, что наука объясняетъ все и удовлетворяетъ всѣхъ. Дѣло также не въ томъ, чтобы у чувства и интуиціи (т. е. созерцательнаго познаванія) отнять занятое ими мѣсто или значеніе. Напротивъ, очень важно, чтобы ихъ серьезно обосновать, чтобы они опирались на большее количество фактовъ, чтобы люди могли лучше контролировать свои духовныя способности и избѣ-

гать поспѣшныхъ сужденій и внезапныхъ увлеченій.

Читателю понятно, что мы не добиваемся того, чтобы всѣ обладали полнотой знанія. Это не представляется ни возможнымъ, ни желательнымъ. То, чего слѣдовало бы желать, состоитъ, — по выраженію Ренана, — не въ томъ, чтобы „всѣ принимали участіе въ научной работѣ, но только, чтобы всѣ участвовали въ ея результатахъ". Или еще, по словамъ Өукидида, дѣло не въ томъ, чтобы всѣ были способны рѣшить какую-нибудь задачу, но чтобы всѣ могли оцѣнить рѣшеніе, найденное спеціалистами. Чтобы прійти къ такому положенію вещей, Круазе выставляетъ три слѣдующихъ педагогическихъ требованія: 1) минимумъ положительныхъ знаній; 2) хорошая гимнастика ума; 3) немножко основныхъ общихъ свѣдѣній, отличныхъ отъ совокупности научныхъ открытій. Первое не поддается точному опредѣленію, такъ какъ всецѣло зависитъ отъ возможности для того или иного лица получить элементарное, среднее или высшее образованіе. Во всякомъ случаѣ ребенку необходимо дать орудіе умственнаго труда: умѣніе читать и писать, знаніе родного языка, ариөметики и т. д., добавляя къ этому простѣйшія свѣдѣнія изъ исторіи, т. е. прошлаго, изъ котораго возникло настоящее, и изъ природы, среди которой живемъ. Второй пунктъ нѣсколько важнѣе. Н. Муррай Бутлеръ, ректоръ колумбійскаго университета, превосходно опредѣлилъ основное содержаніе воспитанія: по его мнѣнію, слѣдуетъ вырабатывать „здравый, ясный разсудокъ", т. е. разсудокъ, не дающій ввести себя въ заблужденіе ни словамъ, ни видимостямъ, создающій реалиста. Нужно сквозь слова видѣть идеи, а сквозь идеи — вещи. Нужно примѣняться къ фактамъ, но не факты примѣнять къ нашей фантазіи или увлеченію. „Не слѣдуетъ— говорилъ Эврипидъ — злиться на вещи, ибо это для нихъ безразлично". Будемъ „объективны". Чтобы выработать такой разсудокъ, необходимо усвоить *методъ* во взглядахъ на вещи и наблюдать факты терпѣливо и съ воодушевленіемъ, помня, что міръ—явленіе сложное, что поспѣшныя и простыя объясненія почти всегда не совершенны, и что лишь усердіе можетъ дать надежные результаты.

Излагать самыя основы знанія — это значитъ, по мнѣнію проф. Мальпера, создавать методическій умъ. Иными словами, развивать: безкорыстную преданность истинѣ, умѣніе подчиняться единой для разума очевидности и требованію отъ себя во всемъ яснаго отчета; далѣе — разви-

вать философское сомнѣніе, ясность мысли, которая боялась бы принимать свои привычки и симпатіи за аргументы, свои предразсудки или увлеченія за доказательства; потребность въ точности и доказательности, склонность къ фактамъ опредѣленнымъ и недовѣріе къ неяснымъ формуламъ, наконецъ — интеллектуальный либерализмъ, признающій за другими людьми право свободнаго изслѣдованія и сужденія. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить: оптимистическое терпѣніе, полную надежды — при неизбѣжной постепенности прогресса—и спокойную вѣру въ могущество разума, который дѣло преобразованія человѣчества проводитъ съ неумолимой силой.

Такая умственная дисциплина для насъ, поляковъ, особенно необходима. Наши народныя массы, въ особенности крестьянская, склонны къ рутинѣ, т. е. къ умственной лѣни и безразличію по отношенію къ правильности или ошибочности принятыхъ ими взглядовъ и убѣжденій. Рутинность не чужда также высшимъ общественнымъ слоямъ. Рядомъ съ ней замѣчательна склонность къ поспѣшнымъ обобщеніямъ. Мы любимъ общія идеи. Любимъ упрощать вещи и сужденія. Поэтому намъ такъ легко навязать кому либо свое мнѣніе и принудить къ выводамъ, ничуть не вытекающимъ изъ фактовъ. Отсутствіе умственной дисциплины приводитъ съ одной стороны къ лѣни мозга, а съ другой—къ преобладанію воображенія надъ аналитической способностью, вообще же къ полному неумѣнію разобраться въ явленіяхъ. Подобныя черты не создадутъ настоящей демократіи. Этой послѣдней нужны непремѣнно ясные, точные и независимые умы.

Перейдемъ теперь къ нравственному воспитанію. Нравственное воспитаніе при современномъ демократическомъ строѣ прежде всего должно стремиться къ тому, чтобы создавать личности дѣйствительно свободныя, т. е. способныя къ иниціативѣ и самостоятельнымъ дѣйствіямъ, и затѣмъ обезпечить сліяніе этихъ личностей въ общей гармонической дѣятельности.

Что касается перваго, то припомнимъ, что Вильгельмъ II выразилъ однажды по адресу нѣмецкой молодежи такія пожеланія: нужно ее воспитать такъ, чтобы ее „поставить на высотѣ борьбы за жизнь“; „создавать нѣмцевъ“, имѣющихъ „хорошій глазъ и хорошія ноги“; развивать „чувство практичности, чувство реальности“ и т. д. Эти требованія были правильны и мѣтки, однако ихъ цѣль ока-

залась не особенно привлекательной: всѣ перечисленныя качества нужны нѣмцамъ для... борьбы съ демократіей. Разумѣется, „чувство практичности, чувство реальности" именно къ этому результату не приведетъ.

Иначе, благороднѣе, глубже и сильнѣе выражаетъ свою мысль о коренномъ нравственномъ воспитаніи народа президентъ Рузвельтъ. „Здоровое государство—пишетъ онъ—можетъ существовать только тогда, когда и мужчины и женщины, изъ которыхъ оно состоитъ, ведутъ жизнь честную, дѣльную и здоровую; когда дѣти воспитываются такъ, что они умѣютъ не избѣгать трудностей, но ихъ преодолѣвать; не искать удовольствій, но добиваться во всемъ успѣха, путемъ риска и усилій. Мужчина долженъ радостно исполнять дѣло человѣка: умѣть противодѣйствовать, гдѣ нужно, трудиться, оберегать тѣхъ, кто отъ него зависитъ. Женщина должна быть хозяйкой, товарищемъ мужа и разумной матерью, не избѣгающей имѣть многочисленныхъ здоровыхъ дѣтей".

Въ иномъ мѣстѣ тотъ же авторъ выражаетъ слѣдующую мысль: „Никакое умственное развитіе, никакая физическая сила не сдѣлаютъ народа великимъ, если ему не хватаетъ основныхъ принциповъ честности и нравственной чистоты. Послѣ смерти Александра Македонскаго почти все, что составляло тогда цивилизованный міръ, было раздѣлено на греческія монархіи, управляемыя его полководцами и преемниками. Этотъ греческій міръ отличался блестящей культурой и богатствомъ. Онъ заключалъ въ себѣ могущественныя военныя монархіи и громадные торговые города съ республиканскимъ строемъ, которые достигли апогея торговаго и промышленнаго развитія. Искусство процвѣтало въ небывалыхъ размѣрахъ; науки развивались, какъ никогда до того времени. Существовали академіи писателей, было множество ораторовъ, много философовъ. Купцы и аферисты быстро обогащались и въ теченіе большого промежутка времени греческіе воины пользовались превосходствомъ и славой, которыхъ достигли подъ начальствомъ великаго завоевателя Востока. Но сердце народа было неизлѣчимо неискреннимъ, предательскимъ и развращеннымъ. Нравственный упадокъ разлагалъ весь общественный и семейный строй, вплоть до того времени, когда, спустя немногимъ болѣе столѣтія послѣ смерти Александра Великаго созданное имъ государство превратилось въ блестящую пустую оболочку, распавшуюся, подобно карточ-

ному домику, подъ натискомъ римлянъ, ибо римляне, несмотря на всѣ свои пороки, были въ то время расой мужественной въ полномъ смыслѣ слова, расой съ твердымъ мужественнымъ характеромъ. *Такъ же, какъ для народа, и для единичной личности представляется величайшей необходимостью имѣть характеръ, который одинаково дерзаетъ и дѣйствуетъ, какъ и терпитъ и переноситъ, характеръ дѣятельный въ упражненіи добродѣтели и не менѣе рѣшительный въ отказѣ совершить что-либо изъ того, что представляетъ собою проступокъ и безправіе!"* *).

Таковы уроки энергіи, въ которыхъ нуждается наша демократія. Эти сильныя и правдивыя слова мы должны заучить наизусть. Ибо нигдѣ въ большей, чѣмъ у насъ, мѣрѣ не является необходимымъ развитіе слабаго духа инициативы и предпріимчивости, который, разсудительно взвѣшивая препятствія, предъ ними не останавливается, и вѣритъ въ себя, въ мощь выносливой и терпѣливой воли, въ постоянное и умѣлое усиліе. Еще и иная энергія нужна намъ, а именно та, которая не позволяетъ поддаваться импульсамъ толпы, когда эта толпа заблуждается, и даетъ смѣлость разрывать съ партіей, фракціей или группой, чтобы остаться въ согласіи со своей совѣстью. Смѣть что-либо предпринять, смѣть предугадывать, смѣть исполнять свой долгъ до конца — это правила дѣятельности, необходимыя для демократіи. Только они могутъ обезпечить успѣхъ и его длительность.

Однако, недостаточно, чтобы сильны были отдѣльныя лица. Нужно, чтобы всѣ силы объединились для блага общества. Нужно эти силы подвести подъ сложную соціальную дисциплину, которая примиряетъ и связываетъ, объединяетъ и направляетъ. Человѣкъ имѣетъ значеніе только какъ частица общества. Только въ обществѣ могутъ развиваться его силы и только общество даетъ гарантію полнаго развитія его богатствъ, духовныхъ и физическихъ.

Простѣйшая форма самопожертвованія ради общественнаго дѣла это—уваженіе къ закону, который можетъ быть несовершененъ, но которому слѣдуетъ подчиняться, пока не дѣйствуетъ иной законъ. Сократъ, несправедливо приговоренный къ смерти, не хотѣлъ, однако, бѣжать изъ

*) Курсивъ, какъ и вездѣ,—автора.

Переводчикъ.

тюрьмы: онъ героически подчинился закону. Въ Ѳермопильскомъ ущельѣ высѣчена надпись: „Прохожій, иди и возвѣсти спартанцамъ, что мы всѣ здѣсь легли, вѣрные законамъ своего отечества“. Это ничто иное, какъ прекрасное выраженіе послушанія закону.

Кромѣ чувства законности есть еще чувство общественной солидарности, необходимое въ жизни демократіи. Чувство это наилучшимъ образомъ воспитывается въ работѣ на благо отечества. Разумный и мужественный патріотизмъ поддерживаетъ общественное дѣло и этимъ самымъ служитъ дѣлу гуманности. Я не вѣрю въ космополитизмъ и не думаю, чтобы кто-нибудь могъ полюбить міръ, не любя отечества.

Интеллигентность и характеръ представляютъ собою огромные и главные двигатели человѣческой жизни. Хорошій гражданинъ долженъ обладать ими въ высокой степени. Но чтобы быть совершеннымъ человѣкомъ, чтобы владѣть полнотой жизненнаго чувства, его красотъ и радостей, долженъ онъ получить кромѣ того и эстетическое образованіе. Прекрасное—это радость, а радость жизни — тоже сила. Прекрасное развиваетъ воображеніе, а воображеніе развиваетъ интеллектъ. То и другое вмѣстѣ способствуютъ полному развитію характера. Въ Польшѣ чувство прекраснаго развито слабо, а эстетической культуры, въ демократическомъ смыслѣ, не существуетъ вовсе. Это великая, основная ошибка. Новый строй школы, какъ низшей, такъ и средней, обязанъ ее исправить. Необходимо развивать любовь къ пластическимъ искусствамъ, къ музыкѣ и пѣнію, исправлять и воспитывать вкусъ, развивать любовь къ гармоніи и прекрасному. Въ искусствѣ народъ почерпнетъ новый запасъ гражданскихъ силъ и патріотической энергіи.

Подведемъ итоги.

Школьное воспитаніе должно стремиться къ достиженію слѣдующаго:

1) Здравый, ясный и методическій разсудокъ;
2) Сильная и общественно-солидарная личность;
3) Любовь къ прекрасному.

3.

Жизнь, какъ школа гражданина.

Демократическое развитіе польскаго общества сулитъ блестящее будущее нашей національной жизни, однако, при условіи, что народъ будетъ въ той или иной мѣрѣ призванъ руководить своей судьбой, что онъ сумѣетъ въ этомъ случаѣ совладать съ новыми обязанностями, трезво разобраться въ общественныхъ вопросахъ, выбрать собственный путь къ достиженію условій общаго блага и будетъ имѣть ясное сужденіе о вещахъ и независимость въ дѣйствіяхъ. Если же все это у народа будетъ отсутствовать, демократія не только не осуществитъ возлагаемыхъ на нее надеждъ, но даже можетъ причинить общественному дѣлу существенный вредъ.

Одинъ изъ самыхъ искреннихъ и глубокихъ демократовъ новыхъ временъ, Токвилль, выразилъ на этотъ счетъ серьезное опасеніе: „Охотно допускаю—писалъ онъ,—что граждане въ массѣ вполнѣ искренно желаютъ блага странѣ, скажу больше, что низшіе классы общества къ этимъ желаніямъ примѣшиваютъ вообще меньше личнаго интереса, чѣмъ высшіе классы; но чего имъ болѣе или менѣе не хватаетъ, такъ это—искусства разбирать средства, хотя бы цѣль для нихъ была искренно желанной. Сколь долгое изученіе и сколь разнородныя свѣдѣнія необходимы, чтобы постигнуть въ совершенствѣ характеръ одного человѣка! Если величайшіе геніи теряются предъ такой задачей, то какого же успѣха въ этомъ смыслѣ можно ждать отъ толпы? У народныхъ массъ никогда не будетъ ни времени, ни возможности посвятить себя общимъ вопросамъ. Поэтому они вынуждены рѣшать ихъ поспѣшно. Отсюда слѣдуетъ, что шарлатаны разнаго сорта такъ хорошо овладѣли секретомъ нравиться толпѣ, какъ это не удается наилучшимъ ея друзьямъ“.

Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что исполнить великую миссію укрѣпленія и развитія общественныхъ союзовъ можетъ только демократія, и что только въ демократическомъ строѣ прогрессъ общества имѣетъ гарантію быть постояннымъ и напряженнымъ. Необходимо, однако,— повторяю — къ отправленію этихъ новыхъ функцій народъ подготовлять и воспитывать. Мы говорили уже о школѣ, о ея великихъ въ данномъ направленіи воспитательныхъ задачахъ. Мы упоминали о семьѣ, объ общественной средѣ, о роли личныхъ испытаній и опыта въ жизни, ибо все это составляетъ также солидный комплексъ педагогическихъ средствъ. Но съ особеннымъ вниманіемъ слѣдуетъ остановиться на воспитательномъ значеніи *практики общественной жизни*.

Въ сильныхъ и установившихся обществахъ, нѣсколько образцовъ которыхъ мы находимъ на земномъ шарѣ, мѣстныя свободы предшествовали демократическому строю, или вѣрнѣе—развитіе ихъ дало основу и жизнь послѣднему. Жизненность общины въ Америкѣ сильнѣе жизненности штата, прочность и жизненность этого послѣдняго преобладаетъ надъ жизненностью самой уніи или союза. Сила свободныхъ народовъ лежитъ въ общинѣ. Безъ общинныхъ учрежденій, народъ можетъ пользоваться формой свободнаго управленія, но въ немъ не будетъ духа свободы, и схороненный глубоко, личный либо групповой деспотизмъ можетъ при случаѣ вновь пробиться наружу.

Въ Польшѣ община не имѣла возможности развить свою независимость въ должной мѣрѣ, но все же въ этомъ отношеніи остались кое-какія традиціи. Народъ нашъ обладаетъ извѣстной сноровкой въ рѣшеніи мѣстныхъ дѣлъ и нѣкоторой самостоятельностью въ сужденіи о собственныхъ интересахъ. Доказательства этому обнаружились особенно въ послѣднее время. Во всякомъ случаѣ здѣсь почва вспахана и засѣяна, на которой,—когда общество пойметъ, въ чемъ суть,—могутъ вырасти прекраснѣйшіе цвѣты.

Община (волость) у насъ можетъ стать великой школой общественной жизни. Рѣшаетъ она многочисленные вопросы, касающіеся основныхъ потребностей мѣстной общественности. Отъ нашей общины зависитъ, или вскорѣ будетъ зависѣть все, что касается школъ, церкви, дорогъ, благотворительности и податей. Этимъ путемъ она знакомится съ извѣстной цѣлокупностью, уже весьма сложной, общихъ интересовъ и взаимной пользы. Она научается по-

нимать индивидуальные характеры и общественныя явленія въ ихъ взаимоотношеніяхъ и общественныя силы въ ихъ взаимодѣйствіи. Все это учитъ тому, какъ отрѣшаться отъ личныхъ интересовъ, стало-быть, воспитываетъ характеръ и чувство, и создаетъ гимнастику для мозга.

Въ общинѣ крестьянинъ, ремесленникъ, рабочій многократно найдутъ возможность примѣнить собственную мысль и энергію къ общественному дѣлу. Есть много должностей, требующихъ особенной бдительности и примѣрности. Существуютъ, наконецъ, общественныя собранія, на которыхъ—хотя они и рѣдко происходятъ—требуется уже извѣстная самостоятельность рѣшенія, не направленнаго только къ собственной непосредственной выгодѣ. Далѣе, участіе въ мѣстномъ самоуправленіи,—если оно функціонируетъ правильно—способствуетъ больше, чѣмъ что бы то ни было другое, развитію гражданскаго чувства порядка и законности, ибо порядокъ и законность вытекаютъ изъ общихъ требованій тѣхъ же самыхъ гражданъ, укрѣпляетъ вѣру въ собственныя силы, будитъ предпріимчивость, создаетъ привязанность къ своему углу, а чрезъ него и къ обширному отечеству.

На высшихъ ступеняхъ самоуправленія—самоуправленіе уѣздное и губернское,—требуется еще болѣе обширная практическая и гражданская подготовленность. Ибо тамъ зачастую нужно разсматривать дѣла болѣе сложныя, нужно, наконецъ, забывать часто о выгодахъ собственнаго прихода или деревни, а, можетъ быть, даже пожертвовать ими для блага болѣе обширной самоуправляющейся единицы. Словомъ, это школа высшаго типа общественной жизни, также очень важная, приготовляющая нерѣдко выдающихся людей для общественнаго поприща. Чувство отвѣтственности тутъ сильнѣе, духъ иниціативы долженъ быть живѣе, общественный кругозоръ шире.

Когда мѣстное самоуправленіе хорошо организовано, то изъ этого возникаютъ для общества многочисленныя выгоды. Члены общины привязываются къ ней, потому что она сильна и независима; интересуются ею, потому что участвуютъ въ руководствѣ ею; любятъ ее, ибо не имѣютъ основанія жаловаться на свою судьбу, связываютъ съ общиной свое честолюбіе и свое будущее, вмѣшиваются въ каждый эпизодъ общинной жизни. Въ этомъ опредѣленномъ кругѣ каждый пробуетъ руководить обществомъ, привыкаетъ къ свободѣ, пріобрѣтаетъ чувство порядка, учится

понимать гармонію правъ и обязанностей. Отсюда проистекаютъ экономическія выгоды для страны, здѣсь же мы получаемъ, такъ сказать, реторту для приготовленія людей и выработки искусства посредственнаго и непосредственнаго управленія судьбами общества.

Гражданинъ, обученный въ общественной работѣ свободной общины, не дастъ ввести себя въ обманъ безсмысленнымъ, хотя и льстивымъ девизамъ и никому не позволитъ покуситься на полноту правъ гражданина. Онъ имѣетъ, какъ противъ деспотизма, такъ и противъ демагогіи, панцырь защиты, выкованный изъ чувства независимости, изъ знанія законовъ развитія общества и житейскаго опыта.

Мы не думаемъ, чтобы наши народныя массы могли собственными усиліями прійти къ пониманію всего значенія самоуправленія и умѣло принялись за поддержку его институтовъ. Могутъ они его оцѣнить, но не будутъ обладать практической способностью управлять мѣстными дѣлами.

Мы стоимъ за участіе въ жизни общины—интеллигенціи. Интеллигенція должна итти рука объ руку съ народомъ, указывать ему первые шаги и помогать ему совѣтами и своею опытностью. Но это участіе интеллигенціи не должно быть преобладающимъ. Напротивъ, оно должно имѣть характеръ скорѣе посредственный. Народъ слѣдуетъ пріучать къ самостоятельной общественной мысли и для этого привлекать его къ участію въ самоуправленіи, оставлять его въ томъ или иномъ случаѣ собственнымъ силамъ и внушить ему вѣру въ то, что если сегодня онъ сдѣлаетъ что-либо неудачно, то завтра у него выйдетъ лучше, а послѣ завтра—быть можетъ, лучше, чѣмъ у интеллигенціи.

Кромѣ участія въ администраціи самоуправленія есть еще множество путей и средствъ воспитанія демократическихъ чувствъ и способностей. Между прочимъ, вся сфера общественной самопомощи въ этомъ отношеніи совершенно открыта. Странѣ нужны будутъ самые разнообразные союзы, какъ чисто народные (рабочіе, ремесленные, крестьянскіе), такъ и смѣшаннаго типа.

Намъ представляется существенно необходимымъ, чтобы не только къ участію въ этихъ союзахъ, но и къ руководительству ими допускались представители изъ народныхъ слоевъ. Относительно нѣкоторыхъ отраслей сказанной самопомощи, какъ, напр., профессіональныхъ союзовъ, это разумѣется само собой. Въ отношеніи другихъ — дѣло обстоитъ иначе.

Интеллигенція много желала бы сдѣлать для народа, но безъ народа, т. е. безъ его участія. Этого-то именно необходимо всѣми силами избѣгать. Къ борьбѣ съ неграмотностью, къ разработкѣ общегосударственной формы крестьянскаго кредита, къ организаціи народныхъ театровъ и т. д., и т. д., необходимо призвать представителей народа, крестьянъ, и это по двумъ слѣдующимъ причинамъ: во 1-хъ, потому, что ихъ совѣтъ можетъ имѣть серьезное практическое значеніе, и во 2-хъ, что, имѣя цѣлью воспитаніе демократіи, мы должны открывать ей всѣ самые различные пути. Житейская практика даетъ наиболѣе хорошихъ результатовъ. Станемъ же привлекать къ ней широкіе народные слои и будемъ имѣть довѣріе, какъ къ ихъ чутью, такъ и къ ихъ разсудительности.

Такое содѣйствіе народной массѣ со стороны интеллигенціи на всякомъ поприщѣ и во всякомъ дѣлѣ дастъ еще одинъ и существенный плюсъ. Рузвельтъ обращаетъ вниманіе на чувство солидарности, товарищества, какъ на политическій факторъ, а его замѣчанія по этому предмету весьма убѣдительны: „Товарищество, симпатія, въ широчайшемъ значеніи слова,—пишетъ онъ въ „Напряженной жизни“—это важнѣйшій факторъ устройства здоровой политической и общественной жизни. Ни наша національная, ни наша мѣстная гражданская жизнь не можетъ стать тѣмъ, чѣмъ быть должна, если ея не характеризуетъ товарищество, взаимное радушіе, взаимное уваженіе, чувство общности обязанностей и интересовъ, которые рождаются тогда, когда люди дѣлаютъ одинаковыя усилія понять другъ друга и объединиться для одной общей цѣли. Значительная часть ненависти въ политической и общественной борьбѣ проистекаетъ либо изъ простого знакомства только съ одной партіей или только съ однимъ классомъ какой-либо сферы, либо изъ того, что двѣ партіи или два класса отдѣлены другъ отъ друга такъ рѣзко, что ни одинъ изъ нихъ не понимаетъ страстей, предразсудковъ, а главное—положенія другого, тогда, какъ оба совершенно не знаютъ объ общности чувствъ, питаемыхъ къ тому, что составляетъ сущность мужества и человѣчности“.

Авторъ описываетъ интересные эпизоды изъ собственной практики. Кромѣ студентовъ и политиковъ, первыми ближайшими товарищами въ его жизни были люди изъ ranch'овъ, пастухи и охотники на дикаго звѣря; вскорѣ онъ пришелъ къ убѣжденію, что во всей странѣ нѣтъ лю-

дей, имъ равныхъ. Потомъ онъ часто сталкивался съ арендаторами и мелкими собственниками, и убѣдился, что они-то представляютъ архи-типъ хорошихъ американцевъ. Позже онъ вращался среди желѣзнодорожниковъ и пришелъ къ выводу, что они представляютъ собою носителей именно тѣхъ достоинствъ, напр., смѣлости, увѣренности въ своихъ силахъ, самообладанія и т. п., которыя мы охотно соединяемъ съ именемъ американца. Послѣдовательно авторъ пришелъ къ тому же убѣжденію относительно плотниковъ.

Чему служитъ это доказательствомъ?

Это доказываетъ, что наша обособленность и проникновеніе взглядами и интересами одной только общественной группы ведетъ къ тому, что мы соединяемъ интересы и гражданскія добродѣтели только съ группой, къ которой принадлежимъ сами, и относимся съ пренебреженіемъ къ прочимъ общественнымъ группамъ. Однако, какъ только мы отрѣшимся отъ этой обособленности, обнаружится, что вездѣ существуютъ люди злые и добрые и что ни недостатки, ни достоинства не являются привиллегіей исключительно одной группы общества.

Общество наше, въ отношеніи взаимнаго сближенія разныхъ общественныхъ слоевъ, имѣетъ передъ собой еще много дѣла. Много еще въ немъ предразсудковъ, самовозношенія и классовой узости, и потому такъ много взаимнаго, необоснованнаго недовѣрія, антагонизма и нетерпимости. Демократическое движеніе должно стремиться къ устраненію такого положенія вещей двумя путями: созиданіемъ учрежденій, сближающихъ разные общественные слои и людей, и воспитаніемъ, укрѣпляющимъ уваженіе къ человѣку, къ духу свободы и терпимости, а также чувства братства и товарищества.

4.

Съ чего начать? Долгъ и должное.

Наше общество должно употребить чрезвычайныя матеріальныя и нравственныя усилія, чтобы справиться съ тѣми выдвигающимися впередъ задачами, *отъ рѣшенія которыхъ зависитъ все будущее народа.* Мы видимъ, въ какомъ направленіи движется исторія: въ направленіи неуклонно демократическомъ. Всѣ члены общества будутъ призваны въ большей или меньшей мѣрѣ, какъ было уже сказано, къ участію въ управленіи дѣлами страны. Большинство, громадное большинство этихъ членовъ—это народъ, т. е. народныя массы. Въ ихъ рукахъ будутъ находиться судьбы страны. Если они будутъ просвѣщенны, умѣлы, зрѣлы, то наше національное и культурное будущее обезпечено; если же они останутся темными, неумѣлыми и неопытными, то наше будущее мрачно и быть можетъ даже тревожно.

Отсюда одинъ выводъ. Необходимо народъ просвѣщать и воспитывать во что бы то ни стало, путемъ крайнихъ усилій, хотя бы цѣною задержки роста нашей культуры въ другомъ направленіи, т. е. цѣною задержки ея движенія вверхъ. Я предпочитаю народную школу—научнымъ музеямъ, предпочту толковаго старшину-крестьянина—ученому мужу. Полагаю, что намъ необходимо распространять культуру на низахъ, вливать ее туда, и что это—наша важнѣйшая національная задача. Если у насъ хватитъ энергіи двигать впередъ науку и искусство, углублять мышленіе и обогащать культуру новыми завоеваніями духа, тѣмъ лучше. Однако, если бы меня въ данное время спросили, чтò по моему болѣе желательно: академія наукъ, или сто народныхъ школъ, я бы безъ колебанія выбралъ бы послѣднія. Свѣта, какъ можно больше свѣта—на низахъ.

Нужно, стало-быть, прежде всего создать систему на-

родныхъ школъ. До сихъ поръ они у насъ почти совершенно отсутствуютъ, и поэтому придется все строить, начиная съ самаго фундамента. Дѣло это не легкое, и на примѣрѣ Галиціи мы видимъ, что на его полное осуществленіе приходится ждать десятки лѣтъ. Но Галицію оправдываетъ ея экономическое убожество; Галиція также имѣла правительство несовершенное, вѣрнѣе неискренное, считающееся съ потребностями минуты. У насъ же, гдѣ зажиточность больше и демократическое движеніе сильнѣе и искреннѣе, постановка народныхъ школъ должна быть шире и сдѣлана скорѣе и основательнѣе. Въ дѣлѣ почина здѣсь мы должны разсчитывать на благотворительность состоятельныхъ классовъ населенія, нѣсколько менѣе—на благожелательность самихъ крестьянъ, которые сознаютъ потребность просвѣщенія, но слишкомъ бѣдны, чтобы дѣлать большія на это затраты. Слѣдуетъ также ожидать, что при автономіи Царства Польскаго, его казна найдетъ соотвѣтственныя денежныя средства, хотя бы пришлось ради устройства должнаго количества народныхъ школъ спеціально обложить состоятельные классы населенія.

Вторая часть основной педагогическо-демократической задачи состоитъ въ борьбѣ съ неграмотностью среди взрослыхъ. Послѣднее время дало много доказательствъ въ пользу того, какъ сильна среди массъ потребность въ грамотѣ, какъ она тамъ необходима. Сознаніе этой потребности стало сильнѣе, быть можетъ, вслѣдствіе того, что всѣ мы видѣли и слишкомъ ясно видимъ, какъ легко массы, будучи темными и незрѣлыми, поддаются демагогическимъ проискамъ, имѣющимъ зачастую и форму и содержаніе наиболѣе нелѣпыя. Вообще можно съ увѣренностью сказать, что демагогизмъ въ нашемъ отечествѣ получилъ бы совершенно иной пріемъ, если бы не то, что онъ обращался къ элементамъ наименѣе просвѣщеннымъ и расчитывалъ развивать свою дѣятельность соотвѣтственно мѣрѣ ихъ незрѣлости.

Только на этомъ основномъ и элементарномъ распространеніи культуры и рядомъ съ нимъ слѣдуетъ строить другія формы воспитанія массъ, преимущественно воспитанія нравственнаго. Въ этомъ направленіи осталось, быть можетъ, больше всего сдѣлать. Нравы у насъ пребываютъ въ состояніи прямо плачевномъ. Между тѣмъ, безъ нравственности не существуетъ демократіи. Необходима безукориз-

ненная честность въ общественныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ людей.

Мы дали лишь легкіе контуры всей этой дѣятельности около народа и для народа. Мы едва упоминаемъ о ней. Она, если принять во вниманіе колоссальность задачи, представляется безмѣрно трудной, сложной и требующей безконечныхъ энергіи, знанія и средствъ. Но что слѣдуетъ сдѣлать, должно быть сдѣлано. Мы не сомнѣваемся, что такъ и будетъ. Будутъ и школы, и курсы грамотности, и убѣжища и театры. Когда не достаточно будетъ организованной дѣятельности администраціи мѣстнаго самоуправленія, выйдутъ на арену независимыя силы общества. Сознаніе, что такъ именно слѣдуетъ дѣйствовать, проснулось, стало-быть, не хватаетъ только актовъ воли.

Работа надъ воспитаніемъ демократіи должна пойти еще дальше, а именно охватить среднее образованіе. Не стану говорить о методахъ и системахъ средняго образованія, которые многіе изъ читателей знаютъ, быть можетъ, лучше меня. Среднее образованіе, раціонально поставленное и введенное въ жизнь, необходимо вездѣ, при всякомъ соціальномъ и политическомъ строѣ. Я желаю упомянуть только о томъ, чего отъ этого образованія должна требовать демократія.

По моему мнѣнію, главнымъ ея требованіемъ должно быть слѣдующее: оторвать дѣтей отъ вліянія стѣнъ и книгъ, т. е. отъ жизни бумажной, и возвратить ихъ природѣ. Какъ это понимать? Современныя дѣти воспитываются такъ, что становятся въ большей или меньшей мѣрѣ, а иногда и вовсе неспособными къ физической дѣятельности и быстрой иниціативѣ. Учебныя заведенія фабрикуютъ много мозга и рутины, создаютъ блѣдныя пассивныя существа, держащіяся за стулъ, иногда жадныхъ потребителей и производителей книгъ, иногда примѣрныхъ чиновниковъ, но отнюдь не людей, подготовленныхъ къ жизненной подвижности, къ случайностямъ и неожиданностямъ, къ побѣдѣ надъ зломъ и препятствіями жизни. Сеньобосъ однажды обратилъ вниманіе на то, что именно эта физическая жизненность англійскаго народа является единственной причиной его превосходства въ экономической сферѣ. Молодые англичане и молодые американцы ничуть не интеллигентнѣе, и по природѣ не энергичнѣе отъ представителей многихъ другихъ странъ; они только больше

выдержанны и лучше приспособлены къ естественной жизни.

Молодежь нуждается еще въ одномъ: въ тренировкѣ общежитія. Въ демократіи, гдѣ внѣшній факторъ дрессировки и долгъ послушанія перестаютъ примѣняться, внутренняя, нравственная дисциплина обязываетъ къ безконечно большему, чѣмъ въ какой-либо другой формѣ человѣческаго существованія. Это дисциплинированіе основывается на укрѣпленіи: повиновенія закону, исполненія своихъ обязанностей, пониманія общественныхъ свободъ, для блага которыхъ личная свобода должна быть зачастую сильно ограничена, чувства отвѣтственности за свои поступки, вообще всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя должны образоваться изъ пребыванія въ общежитіи и для его развитія необходимы.

Нѣмцы въ массѣ, быть можетъ, даже менѣе способны, чѣмъ поляки; нѣмецкая молодежь безусловно тупѣе и инертнѣе, чѣмъ наша; но это народъ вышколенный, т. е. въ него умѣло вложены чувства методичности, долга, старательности, дисциплины. Потому-то этотъ народъ достигъ столь высокаго развитія во всѣхъ отношеніяхъ, какъ экономическомъ, такъ и политическомъ, научномъ и даже эстетическомъ.

Все это—дѣло рукъ хорошо организованнаго и точно проведеннаго воспитанія. Какіе же оно плоды обѣщаетъ тамъ, гдѣ естественныя условія благопріятнѣе, гдѣ народъ, такой, какъ нашъ, болѣе богатъ умственными способностями и культурой чувства?

Изъ этихъ общихъ постулатовъ или требованій вытекаетъ одно спеціальное замѣчаніе. Дѣти должны работать и работать усиленно. Я рѣшительный противникъ школьной перегрузки, но кажется то, что я теперь вижу въ нѣкоторыхъ семьяхъ и что, пожалуй, распространяется въ страшныхъ размѣрахъ, впадаетъ въ другую крайность; я разумѣю, увы, популярное правило, состоящее въ наибольшемъ облегченіи дѣтямъ ученія, въ обсахариваніи таковаго, оглаживаніи и разукрашиваніи такъ, чтобы его можно было проглотить безъ труда и усилій. Такая система дѣлаетъ изъ дѣтей безпомощныхъ митрофановъ, ибо ослабляетъ въ нихъ энергію въ преодолѣніи препятствій и способность оцѣнки результатовъ собственнаго усилія. Они учатся, потому что ихъ объ этомъ просятъ, а не потому, что должны, что этимъ путемъ, такъ сказать, зарабаты-

ваютъ на свое будущее. Вотъ такая-то система никоимъ образомъ не поспособствуетъ укрѣпленію воли и подготовкѣ ребенка къ житейской борьбѣ. Когда управленіе общественной жизнью находилось въ рукахъ немногихъ, каждый неучъ и слюняй могъ преодолѣть относительно немногія житейскія препоны и найти соотвѣтственное для себя мѣсто. Демократія же создаетъ иныя условія, условія жизни болѣе полной, но и болѣе твердой, болѣе справедливо приспособленной къ индивидуальной цѣнности человѣка. Демократіи нужны будутъ люди сильные, смѣлые, готовые къ борьбѣ съ природою, не сгибающіеся подъ первымъ пустячнымъ ударомъ судьбы. Наши дѣти должны быть къ этимъ условіямъ старательно подготовлены. Каждый отецъ и каждая мать должны такъ воспитывать дѣтей, чтобы они не избѣгали препятствій, но встрѣчали ихъ и съ ними боролись, чтобы, какъ кто-то выразился, „не силились достигнуть безсовѣстнаго отдыха", но чтобы исполняли свой долгъ, хотя бы самый суровый. Наши старики-предки не искали удовлетворенія въ комнатномъ уютѣ и подъ периной, но смѣло шли на границы отечества разрушать либо строить; вели жизнь дѣятельную и полную усилій. Теперь иныя времена, но прежнія требованія: дѣла, труда, отваги. Родители должны внушать дѣтямъ убѣжденіе, что именно такія, а не иныя ждутъ ихъ въ жизни обязанности и обстоятельства.

* * *

Мы очутились или вѣрнѣе—можемъ вскорѣ очутиться въ условіяхъ, которыя возвратятъ народу его природныя права и позволятъ ему развиваться. Какъ бы мы желали, чтобы это движеніе вверхъ было мощнымъ и быстрымъ! Чего же нужно? Весь народъ такъ жаждалъ свободы, такъ, страдая, мечталъ о лучшей долѣ, столько обѣщаетъ неуклоннаго труда для общественнаго дѣла, такъ умѣлъ любить и ждать! И вотъ мы наканунѣ свободъ и правъ. Мы можемъ работать, такъ будемъ же работать, можемъ желать, такъ будемъ же желать, можемъ любовно прижать народъ къ своей груди, такъ обнимемъ же его, на которомъ столько нами построено,—и примемся за дѣло. Нужно лишь дать себѣ ясный отчетъ въ положеніи вещей. Въ этомъ я желалъ хоть чѣмъ нибудь помочь. Если мнѣ это не удалось, то, можетъ быть, я вызвалъ хоть нѣкоторый откликъ въ душѣ читателя. И это можетъ помочь въ великомъ дѣлѣ, стоящемъ передъ нами.

Рузвельтъ обратился къ своему народу со слѣдующимъ посланіемъ:

„Если пожелаете изучать нашу исторію, какъ народа, то убѣдитесь, что совершили мы много ошибокъ и грѣшны многими недостатками, но что, въ концѣ концовъ, изъ всего мы выходили побѣдителями, ибо не допускали угнетать себя нашимъ ошибкамъ и пораженіямъ, исправляли ихъ и продолжали твердо стоять. Такъ должно быть и въ будущемъ. Какъ народъ, мы привязываемъ съ боку мечъ, съ твердымъ намѣреніемъ мужественно сыграть нашу роль ради конечнаго тріумфа; потому-то мы съ презрѣніемъ отворачиваемся отъ лѣни и отдыха, борясь во имя добра и противъ зла, какъ боролся Великое Сердце въ безсмертномъ разсказѣ Бунгана“.

Великъ тотъ народъ, котораго сыны говорятъ такимъ языкомъ. Можетъ стать великимъ и тотъ народъ, котораго подобныя слова, дышащія силой, вѣрой и воодушевленіемъ взволнуютъ и толкнутъ къ новой, возрожденной жизни. И мы должны сказать: подвязываемъ мечъ и начинаемъ войну съ мракомъ, ложью, лѣнью и бездѣльемъ, подобно Косцюшкамъ и Коллонтаямъ, боровшимся во имя добра противъ зла, для отечества и цивилизаціи.

